

Л. Тихомиров

**Монархическая
государственность**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Тихомиров**
Монархическая государственность: Часть 2 / Л. Тихомиров – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 136 с.

ISBN 978-5-517-97176-0

Монархическая государственность.
Часть 2.
Римско-Византийская государственность

ISBN 978-5-517-97176-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ нижеслѣдующихъ главахъ изложены историческія проявленія тѣхъ законовъ государственности, теоретическая формула которыхъ дана въ первой части книги, а практическіе выводы даются въ четвертой.

Какъ сказано, монархическое начало представляетъ три главные типа: самодержавный, абсолютистскій и деспотическій.

Въ настоящей части книги излагается развитіе монархій Римской и Византійской, при чемъ въ поясненіе условій, опредѣлявшихъ ихъ типъ, введенъ общій очеркъ монархіи Израильской, какъ предшественницы идеи христіанской монархіи, а для обрисовки новѣйшаго абсолютизма—очеркъ вліянія западно-католической и протестантской церковной идеи на характеръ Европейской монархіи.

Монархіи обрисовываемыхъ эпохъ представляютъ различныя степени колебанія между типомъ абсолютизма и самодержавія, при чемъ типъ Римскій выражаетъ наиболее чисто выработанный абсолютизмъ, византійская же государственность—нѣчто переходное отъ абсолютизма къ самодержавію.

Наиболѣе чисто развитая самодержавный типъ въ Московской Руси. Его обрисовкѣ посвящена третья часть книги.

Эти два типа монархіи наиболее важны въ нашей культурной исторіи. Что касается монархіи деспотической, ограничиваюсь въ разныхъ мѣстахъ общими указаніями, не входя въ спеціальныя подробности. Допускаю этотъ пробѣлъ, впрочемъ, не потому, чтобы считалъ его не важнымъ, а потому что его пополненіе слишкомъ надолго затянуло бы окончаніе моей работы, для общихъ выводовъ которой достаточно и обрисовки типовъ, наиболѣе важныхъ въ исторіи монархической государственности.

ОТДѢЛЪ I.

Римскій абсолютизмъ.

I.

Римская историческая идея. Первоначальный строй республики.

Римская республика почти совсѣмъ не имѣла нужды считаться съ чисто монархической идеей. Хотя первоначальная исторія застаётъ Римъ при царяхъ, но эта форма верховной власти досталась ему скорѣе по исторической традиціи, отъ временъ болѣе древнихъ, гдѣ царская власть развилась на почвѣ патриархальной, съ сильнымъ участіемъ религіи, въ древности безъ сомнѣнія основанной на культѣ предковъ *). Но въ Римѣ ни религіозныя, ни соціальныя (уже не дѣлали царскую власть необходимою. Значеніе Юпитера было не очень велико среди небесной республики многобожія, и давало мало опоръ всенародному выразителю божественныхъ вѣлній.

*) Фюстель Куланжъ опредѣляетъ древняго греко-римскаго царя, какъ „жреца общественнаго очага“. „Подобно тому, говорятъ онъ, какъ въ семьѣ власть была не раздѣлена отъ священства и отецъ, какъ глава домашняго культа, былъ въ то же время судьей и господиномъ, такъ точно и верховный жрецъ гражданской общины былъ въ то же время политическимъ главой“.—(Древняя гражданская община, стр. 159, 160, 162). Я уже отмѣчалъ односторонность Фюстель Куланжа въ отношеніи вліяній религіи. Значеніе домовладыки опредѣлялось также и привычнымъ фактомъ его владычества, и его опытомъ, и его силою.

Конечно—и это характеристическая черта: какъ первые основатели царской власти, Ромуль и Нума, такъ и Тарквиніи, старавшіеся ее возсоздать, воздавали особенный культъ именно Юпитеру. Но уже Тулль Гостилій, какъ оказывается, не умѣлъ правильно вспомнить тайныхъ молитвъ Нумы Юпитеру *). Формула объявленія войны гласила: «услышь Юпитеръ, услышь Юнона, Квиригъ (т. е. Ромуль), боги неба, боги земли, боги преисподней,—услышите». Такое обиліе покровителей не даетъ особенной власти ни одному, и не видно, почему бы ихъ сонму нужень былъ одинъ выразитель, тѣмъ болѣе, что римскіе боги требовали лишь культа самимъ себѣ.

Въ отношеніи социальномъ, мы застаемъ Римъ уже въ строѣ скорѣе родовомъ, чѣмъ патріархальномъ. Это не семейная община, а союзъ родовъ. Сильная патриціанская аристократія давала мало мѣста единоличной верховной власти, а постепенно возрастающій плебсъ, чуждый патриціанской родовой организаціи, а равно чуждый и культа патриціевъ, не давалъ возможности этой аристократіи выростъ во власть верховную. Подъ влияніемъ этихъ условій, въ Римѣ очень рано видно убѣжденіе въ томъ, что верховная власть, въ сущности, есть власть всепародная. Моммзенъ довольно тонко замѣчаетъ, что и древнѣйшее римское устройство представляло какъ бы конституціонную монархію навыворотъ. Въ конституціонной монархіи (такъ думаетъ Моммзенъ) король олицетворяетъ собою всю полноту власти, между тѣмъ какъ управляютъ государствомъ представители народа. Римскій же народъ былъ почти то же, что король въ Англии, и все управление принадлежало его главѣ — царю **). У римскихъ царей были дѣйствительно сильны управительныя функціи, но недоставало такихъ признаковъ верховной власти, какъ власть законодательная или право помилованія, которое (очень характеристично) принадлежало народу.

Изгнаніе Тарквиніевъ и уничтоженіе царской власти было

*) Титъ Ливій XXXI.

***) Римская Исторія, часть I, глава VI.

дѣломъ рукъ патриціевъ, но присвоить верховную власть имъ не удалось. Нуждаясь въ плебеяхъ, они не только пополнили сенатъ всадническими фамиліями, но признали законъ Валерія Публикола, допускавшій апелляцію къ народу на рѣшенія всѣхъ должностныхъ лицъ. Это было формальнымъ признаніемъ верховной власти народа. При составленіи Десяти Таблицъ законовъ, всемогущіе децемвиры, облеченные этой миссіей, не только подвергли проектъ законовъ публичному обсужденію и затѣмъ исправили свои таблицы сообразно указаніямъ народа, но въ заключеніе эти таблицы были приняты на всенародныхъ *comitia centuriata*. Такимъ образомъ, этотъ основной актъ учредительнаго законодательства состоялся съ такимъ правомъ *referendum*, какое признается лишь въ немногихъ нашихъ современныхъ демократіяхъ.

Итакъ, въ Римской республикѣ никогда не было сочетанной верховной власти, не принадлежала верховная власть ни царю ни аристократіи, а всегда принадлежала самодержавному Римскому народу, т. е. была демократической. Всѣ сочетанія прициповъ происходили только въ области власти управительной, которую патриціанская аристократія всемѣрно старалась захватить и удержать въ своихъ рукахъ. Вся борьба между патриціями и плебеями происходила, переводя на современный политическій языкъ,—по вопросу о цензѣ для избираемыхъ, но самого верховенства народа патриціи не отрицали.

Консуль Квинтиусъ, уговаривая плебеевъ не слушать подстрекательствъ трибуновъ, прекрасно очертилъ, какъ внимательно патриціи исполняли волю народа; «Ради боговъ,—восклицаетъ онъ,—чего вамъ еще нужно? Вы хотѣли народныхъ трибуновъ: мы вамъ ихъ дали, изъ желанія мира. Вы требовали децемвировъ: мы допустили васъ ихъ назначить. Вамъ надоѣли децемвиры: мы заставили ихъ отказаться отъ власти... Вы захотѣли возстановить трибуновъ: они были возстановлены. Вы пожелали имѣть консуловъ—и это исполнено»... Правда, что всѣ должности попадали съ руки патриціевъ, но они исправляли ихъ превосходно, они были полны доблести, патриотизма и политической мудрости, и самъ плебсъ это сознавалъ

и чувствовалъ *). Повинуясь неизбежно логикѣ демократической идеи, онъ боролся съ патриціями за уравненіе правъ на избраніе въ должности, но патриціи такъ умѣли вести народъ, что и при уравненіи правъ, первыя 150 республики на всѣ должности (кромѣ, конечно, трибуновъ) не было избрано ни разу ни одного плебея, и это несмотря на всѣ подстрекательства трибуновъ, упрекавшихъ народъ въ томъ, что онъ не уважаетъ самого себя.

Римскій плебсъ очень долго имѣлъ достаточно здраваго смысла, чтобы понимать все превосходство патриціевъ. Онъ стремился къ равенству въ *принципѣ*, онъ держалъ патриціевъ подъ вѣчной угрозой, но *фактически* предоставлялъ имъ дѣлать то, что они дѣлали лучше его самого **).

Такъ было въ лучшія времена республики, хотя, конечно, исходя изъ принципа верховенства народа, естественно было, подъ влияніемъ трибуновъ, идти къ уравненію служебныхъ правъ сословій. Трибунъ Канулей прекрасно сформулировалъ это, говоря, что они, трибуны, желаютъ лишь осуществить для народа право, «которое ему принадлежитъ», а именно— «ввѣрять должности тому, кому онъ заблагоразсудитъ».

Какъ бы то ни было, въ типичной своей формѣ государ-

*) Крѣпкое родовое начало есть основаніе истинной аристократіи, обеспечивая ей традиціонный духъ и доброе воспитаніе. О силѣ же римскихъ патриціанскихъ родовъ можно судить по тому, что Фабіи, напримѣръ, могли выставить на войну изъ одной своей фамиліи отрядъ въ 306 человекъ, „поголовно патриціевъ“, не безъ гордости замѣчаетъ Титъ Ливій. Это крѣпкое родовое начало могуче поддерживало политическій и патриотическій духъ. Во время войны съ Лавинконами между военными трибунами возникъ скандальный споръ: всѣ хотѣли, для лучшей отличія, идти противъ непріятели и никто не хотѣлъ остаться для менѣе блестящей задачи охраны города. Конечно, такой споръ компрометировалъ военныхъ трибуновъ (замѣнявшихъ консуловъ). И вотъ выступаетъ старикъ Квинтъ Сервій, отецъ одного изъ спорившихъ. „Такъ какъ здѣсь, — заявилъ онъ, — не уважаютъ ни Сената, ни республики, то пусть моя *отеческая власть* превратитъ дебаты“. И онъ приказалъ своему сыну—вышему сановнику государства—остаться въ городѣ, не допустивъ его даже до вынутаго жребія. (Титъ Ливій, кн. IV, гл. XLV).

***) Само собою разумѣется, это достигалось не однимъ благоразуміемъ народа, а также всѣми средствами политической ловкости патриціевъ, включительно до подкупа трибуновъ.

ственная идея республики была такова. *Верховная власть* принадлежала народу, причѣмъ однако демократія пользовалась своею властью лишь тамъ, гдѣ безусловно необходимо непосредственное проявленіе верховной власти: въ законодательствѣ, въ послѣдней инстанціи суда, въ назначеніи высшихъ должностныхъ лицъ, въ актѣ помилованія. Въ области же *управительной*, въ Римѣ, существовало очень искусное сочетаніе власти единоличной и коллегіальной, по преимуществу аристократической. Съ этимъ строемъ республика прожила всю эпоху своего истиннаго величія.

II.

Паденіе патриціата.—Господство узурпаціи.

Величіе Римской республики держалось на соединеніи *самодержавія народа* со служилой ролью *аристократіи*. Но вся эволюція Римскаго государства постепенно дѣлала такое соединеніе силъ невозможнымъ.

Прежде всего постепенная эволюція чисто политической идеи вела къ попыткамъ *непосредственнаго* правленія самодержавнаго народа. Постоянными возбудителями этой идеи были *трибуны* (т. е., конечно, *народные трибуны* *). Это римское «народное представительство» было, конечно, необходимымъ дополненіемъ народнаго самодержавія, и въ этомъ смыслѣ составляло совершенно разумное звено римской конституціи. Но—какъ и всѣ прочіе виды представительнаго политиканства—трибунатъ только и жилъ раздорами, и постоянно зажигалъ ихъ, все дальше и дальше проводя идею равенства гражданъ и народнаго вмѣшательства въ правленіе. Служебная роль аристократіи юридически подрывалась. Въ той же рѣчи, Квинктіусъ жестоко упрекаетъ народъ за систематическое притѣсне-

*) Такъ называемые *военные трибуны* были аналогичны консуламъ, и хотя ихъ учрежденіе было побѣдой демократической идеи,—непосредственнаго агитационнаго значенія оно не имѣло.

ніе патриціевъ. «Вы, говоритъ онъ, захотѣли имѣть консуловъ, всецѣло преданныхъ народной партіи, и, жертвуя самими собой, мы допустили эту чисто патриціанскую должность сдѣлаться опорой народа. Вы имѣете трибунатъ, апелляцію къ народу, всенародныя голосованія, обязательныя голосованія. Подъ предлогомъ равенства, вы насъ притѣсняете во всѣхъ нашихъ правахъ, а мы все переносили и переносимъ» *).

Патриціанская аристократія хлопотала о правахъ, какъ хлопотать о нихъ министры монарха: для служенія ему же самому. Вообще правительственная идея Римской республики, давшая ей всю силу, состояла въ томъ, что *верховная* власть принадлежитъ народу, а *служебная* «лучшимъ людямъ», людямъ родового патриціанскаго ценза. Трибунатъ же былъ органомъ надзора верховной власти за управительной.

Нужно замѣтить, что эта идея была далеко не только патриціанская, но также раздѣлялась и плебсомъ. Разрушителями ея были трибуны. Не сразу имъ удалось разрушить эту основу Римской конституціи, но, подъ ихъ систематическими подстрекательствами народа, римская аристократія постепенно упразднялась. Канулей, выставляя право народа назначать на должности «кого ему заблагоразсудится» — подрывалъ возможность патриціанскаго, да и какого бы то ни было ценза. Тиберій Гракхъ провозгласилъ право народа низвергать до срока всѣхъ должностныхъ лицъ. Это юридическое упраздненіе своей привиллегіи на должности—патриціи могли парализовать *фактически*, пока имѣли на то силу, даваемую родовымъ социальнымъ строемъ. Но постепенное законодательное расширеніе *правъ личности*, характеризующее Римскую исторію, тѣмъ самымъ подрывало сословно-родовой строй, ибо выводило личность изъ-подъ дисциплины этого строя. Въмѣсто прежней дружной сплоченности патриціата, мы начинаемъ замѣчать патриціевъ въ рядахъ народа, вожаками демократическихъ движеній. При такихъ условіяхъ патриціатъ уже не могъ и фактически дѣлать того, что у него все болѣе отнималось юридически.

*) Титъ Ливій, кн. III, гл. LXVII.

. Вышняя исторія Рима, съ другой стороны, производила еще болѣе глубокое измѣненіе въ социальномъ строѣ римской націи. Завоеванія расширяли территорію государства и вводили въ его составъ новыя населенія. Это измѣняло составъ какъ высшаго, такъ и низшаго класса.

Окончаніе Пуническихъ войнъ, вынесенныхъ на плечахъ главнымъ образомъ послѣдними усиліями благородной патриціанской аристократіи, въ этомъ патриотическомъ подвигѣ окончательно надорвавшей свои силы,—было моментомъ превращенія Рима во *всемирное государство*, *orbis terrarum Romanus*. Катонъ конечно не подозрѣвалъ, что, проповѣдуя *delenda est Carthago*, онъ тѣмъ самымъ предсказывалъ Югуртовское *«mature perituram»* по адресу стараго Рима. Съ Ганнибаломъ нельзя было справиться, не принявъ въ составъ Рима Италіанское населеніе. Покореніе Карфагена неизбѣжно влекло за собою покореніе чуть не всего извѣстнаго тогда міра. *Urbs Roma* превращался въ *orbis terrarum Romanus*. А разъ исторія приводила къ этому, то ревнители старины, отъ Катона до Брута, могли оплакивать прежній Римъ лишь по непониманію смысла событій. Римъ новый явился потому, что по содержанію своему переросъ старыя устои, которые во всемирномъ государствѣ были уже невозможны. Но этотъ процессъ крушенія стараго и рожденія новаго былъ очень тяжекъ, такъ тяжекъ, что не разъ патриотамъ могло казаться, что Римъ окончательно погибаетъ.

Званіе римскаго гражданина перешло за предѣлы Италіи и за всѣ нормы стараго социальнаго строя. Государство становилось всемирнымъ. Физическая и даже нравственная сила его перестала сосредоточиваться въ Римѣ, а разлита уже была вокругъ всего Средиземнаго моря. Провинціи становились сильнѣе Рима, а демократическая идея, все болѣе развивавшаяся въ самомъ Римѣ,—не могла отрицать правъ другихъ, внѣ Рима находящихся гражданъ, да и сами они этого не позволяли. Все положеніе дѣлъ влекло къ тому, что *значеніе* люди получали не вслѣдствіе того, что они были римляне, а потому что они были нужны для борьбы, были силою. Во время войнъ, и особенно междуусобій, самимъ же римлянамъ

приходилось опираться на всякую силу, какая попадалась подъ руку. Войска стали пополняться не только инородцами, но даже *рабами*. Это особенно пришлось практиковать во время войнъ Пуническихъ. Такимъ образомъ, скоро Марій, въ борьбѣ съ Суллою, прямо обратился къ *рабамъ*, призывая ихъ къ возстанію.

Въ минуту торжества, онъ окружилъ себя 4000 толпой рабовъ, которые свирѣпствовали надъ знатнѣйшими гражданами. Въ свою очередь «аристократъ» Сулла точно также окружилъ себя отрядомъ въ 10000 рабовъ, которымъ далъ свободу и права римскаго гражданства. Въ борьбѣ призывали на помощь всѣхъ. Воинъ, посланный убить Марія, былъ изъ тѣхъ самыхъ *Кимеровъ*, отъ которыхъ Марій только что спасъ Римъ. По смерти Марія, главную силу его партіи составляли *жители Италіи*, тогда какъ Сулла представлялъ верховенство стараго Рима. Покаяніе міръ, Римъ такимъ образомъ волей-неволей самъ расплывался среди обитателей всего міра, и его государственность силою вещей принимала универсальный характеръ.

Соотвѣтственно этому процессу, измѣнялись и экономическія условія существованія народа. Древній Римъ былъ населенъ народомъ земледѣльческимъ и трудовымъ. Сами Цинцинаты ходили за плугомъ, и плебей не мечтали ни о чемъ, кромѣ земли, на которой могъ бы добывать въ потѣ лица хлѣбъ свой. Мало-по-малу Римъ становился центромъ промышленнымъ и торговымъ. Прѣжняя родовая организація, съ патронажемъ домовладыки, съ многочисленными кліентами, становилась ненужной и невыгодной. Наилучшіе пути къ богатству были уже иные: промышленныя спекуляціи или грабежъ провинцій, да наконецъ и при крупномъ сельскомъ хозяйствѣ выгоднѣе были *рабы*, чѣмъ кліенты. И вотъ начинается усиленное распусканіе кліентовъ на волю. Вольноотпущенники, выбитые изъ старой колеи—*declassés*—занимаютъ главное мѣсто среди римскаго плебса, а патриціанскія фамиліи отчасти перемѣшиваются съ выскочками счастья и спекуляціи, отчасти бѣднѣютъ и переходятъ въ ряды недовольныхъ и бунтующихъ элементовъ.

Такимъ образомъ, въ общей сложности, различіе между па-